

Михаил Талалай

Последние доклады и анекдоты Умберто Эко

Умберто Эко и организатор конференции по Якобсону Стефания Сини. 17 ноября 2015 г.

Соотечественники иногда сравнивают Эко с Лихачевым – некий национальный эталон культуры.

Отчасти это так – к Умберто Эко прислушивались, спрашивали государственных советов, давали трибуну в СМИ. Но было и отличие: да, как и Лихачев, Эко был ученым, отцом современной семиотики и коммуникативных исследований, академиком с повышенным общественным темпераментом, но он был и автором романов бестселлеров. Последнее обстоятельство стимулировало на его родине извечный порок – зависть. В среде его коллег считалось добрым тоном ругнуть

Эко за ошибки и легкомыслие. Ошибки, понятно, были – кто без них? – но легкомыслия отнюдь нет. Была удивительная легкость в суждениях, выборе тем, стиле. Серьезные вещи он делал играючи. И это было одним из залогов планетарного успеха его романов.

Я входил в миллионную толпу восхищенных читателей Эко, начиная с «Имени розы» – кстати, после его кончины газета «Corriere della Sera» подборку статей, ему посвященных, назвала

«Умберто Эко: имя нашей культуры». Романы я читал на русском, очеркистику – на итальянском. Несколько лет читал последнюю страничку еженедельника «Рапогата», где он вел рубрику на свободную тему – пока она Эко не надоела: непросто каждую неделю писать что-то оригинальное.

В голове застревает всякая ерунда, и вот запомнился один его парадокс на этой еженедельной страничке – «Моя любимая русская водка – «Абсолют» (подразумевалось, что всем читателям известно, что это водка шведская). Мне и до сей его фразы она нравилась более других, отсутствием водочного вкуса в первую очередь, а с той поры я стал предлагать гостям «Абсолют», приговаривая, что это любимая водка Умберто Эко. Авторитет действовал и тут, и гости восхищенно пили.

Признаюсь, что благодаря прекрасным переводам Елены Костюкович я не чувствовал нужды читать романы Эко в оригинале. Однако когда в 2000 году вышла его книга «Баудолино», редакция парижской «Русской мысли» попросила меня срочно откликнуться. Издательство «Bompiani» мне тут же прислало на рецензию книгу, на которую моего тогдашнего итальянского не хватило. Отступать было поздно, и я совершил мистификацию, надеюсь, в духе автора, опубликовав подробную рецензию на непрочитанный текст. Каюсь публично... Ведь для историка, привычного работать с текстами, достаточно двух-трех чужих рецензий. Спустя пять лет прочитал и превосходный перевод Костюкович, убедившись, что в своем отклике ухватил суть.

Умберто Эко пребывал в иных сферах, пусть и в Милане (об особом к нему отношении я задумался, когда один соотечественник написал: «Как здорово, что Вы живете в Милане, в городе Умберто Эко»).

Счастливого с нему приближение началось года два тому назад, когда моя супруга, литературовед, приступила к подготовке в Милане международной конференции по Роману Якобсону, которого ценил и знал Умберто Эко. Я уверял, что он не откликнется, но оказался неправ, в 2013 году Эко написал: «приду, если буду жив». И пришел, в ноябре 2015 года.

В процессе подготовки конференции он сообщил и свой домашний адрес – Piazza Castello, № 13, попросив его не афишировать.

Дом в Милане, где жил Умберто Эко

Теперь эта его просьба неактуальна: недавно вся Италия увидела по ТВ этот миланский дом, куда люди несли цветы. Вероятно, в недалеком будущем здесь появится мемориальная доска.

Так получилось, что последнее публичное выступление Умберто было посвящено русскому филологу. Он остроумно перемежал личные воспоминания с оценкой академической карьеры Яковсона, охотно общался и фотографировался с участниками конференции. Казался вечным...

Гражданская панихида 23 февраля 2016 г. проходила во дворе миланского замка (миланского Кремля, как я его называю). Выступали мэры городов – Алессандрии, где он родился, Милана, где он жил и умер, говорили ректоры университетов, коллеги. Более всего публику тронуло выступление внука с главной фразой «Какое иметь такого деда?». Звучала барочная музыка, которую он любил. Все было легко и светло, как и его земной путь, – несмотря на особую тяжесть его тела, теперь неподвижного, в закрытом гробу.

Вероятно, только на похоронах Умберто Эко мог прозвучать еврейский анекдот – последний. Рассказал друг академика-романиста актер Мони Овадия, который в Италии прославлен как представитель культуры идиш (пару лет тому назад он представил публике спектакль «Adesso Odessa» («Теперь Одесса»), с одесскими шутками и песнями Леонида Утесова). Мони, по его словам, часами обменивался с Эко еврейскими анекдотами, и самым последним был следующий:

«В царской России в одном еврейском местечке у Янкеля произошел небывалый случай, о котором он решил поведать

раввину. Тот пришел к Янкелю и услышал такую действительно странную историю.

Когда Янкель приготовил себе завтрак – перечислялся состав завтрака, – на его стол прыгнула кошка. Прогоняя ее, Янкель нечаянно смахнул на пол бутерброд, обильно намазанный маслом.

– Равви, как полагаете, какой стороной упал на пол мой бутерброд?

– Понятно, что маслом!

– Нет, масло оказалась сверху!

Потрясенный раввин удалился. Три года он потратил на разгадку удивительного происшествия, ради чего вступил в переписку с раввинами Петербурга, Вены и Праги. Спустя три года раввин вернулся к Янкелю и торжественно заявил:

– Янкель, после долгого обсуждения с самыми умными раввинами Европы мы пришли к выводу: ты уронил бутерброд на пол ошибочной стороной!»

...Так получилось, что последний научный доклад и последний анекдот Умберто Эко был посвящен русским историям, не без пятого пункта. Интересно, знал ли он об этом ярком семиотическом образе? Уверен, что он бы его заинтересовал.

Милан, февраль 2016 г.

Фото автора

